

63.3(2-2.0M)

ВЭИ

С. ВЕРЕМЕЙ

**ПЕРВЫЕ ШАГИ
РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
В ОМСКЕ**

ОМСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1951

1-12г.

63.3(2-

В-

С. ВЕРЕМЕЙ

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ОМСКЕ

(ПО РАССКАЗАМ СТАРЫХ РАБОЧИХ)

43
25
19
✓
✓
✓

4/3

ОМСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951

Под редакцией Н. В. Горбань

Предлагаемая вниманию читателей книга «Первые шаги рабочего движения в Омске» написана на основании рассказов старых рабочих-железнодорожников, собранных и обработанных автором и ранее нигде не опубликованных. Материалы Государственного архива Омской области использованы лишь частично.

Не претендуя на широкое исследование истории рабочего движения в Омске, автор, главным образом, рассказывает о первых социал-демократических кружках омских железнодорожников, сыгравших большую организаторскую роль и явившихся на заре революционного движения в Сибири передовым отрядом пролетариата в борьбе за дело рабочего класса.

До настоящего времени первые страницы в истории рабочего движения в Омске ещё не изучены и не освещены. Книга С. И. Веремея, частично восполняющая этот пробел, представляет интерес для массового читателя.

АТАМАНСКИЙ ХУТОР

Там, где сейчас высится огромное здание управления Омской железной дороги, в начале 90-х годов прошлого столетия стоял бревенчатый вещевой склад, а недалеко — кирпичные городские ворота. К югу от них простиралась голая степь, переходящая к территории теперешнего Ленинска в болотистые зыбуны, поросшие мелким кустарником и камышами. Эта территория принадлежала Сибирскому казачьему войску и называлась Атаманским хутором. Ещё в 1895 году здесь не было ни одного жилого дома. Среди кустов и мелких озёр виднелись только редкие шалаши, поставленные омскими охотниками и рыбаками.

Летом 1894 года здесь началось железнодорожное строительство. Напротив вокзального здания была построена кирпичная церковь, вокруг которой появилось несколько деревянных домов, отстроенных для железнодорожной администрации.

Большой приток рабочих резко поднял цены на квартиры. Казачья верхушка, жившая в южной части города, решила воспользоваться этим и возбудила ходатайство перед своим начальством об отводе ей земли около вокзала. Ходатайство было удовлетворено: всю землю около железной дороги, за исключением небольших участков, предназначенных для постройки казён-

ных зданий и домов для административного персонала, отдали богатым казакам. Предприимчивые казацьи есаулы, старшины, сотники спешно строили, со спекулятивными целями, на одном усадебном участке по два — три дома, каждый по нескольку квартир. Сами домовладельцы оставались жить в центральной части Омска, аккуратно приезжая в Атаманский хутор за неизмеримо высокой квартирной платой, произвольно повышаемой. Так образовался и стал стихийно расти новый посёлок.

Ни о каком благоустройстве этого хутора домовладельцы и казацьи власти не заботились. Кривые улицы и глухие переулки посёлка были завалены различным хламом, изрыты канавами, дороги в осеннюю и весеннюю пору становились непроезжими. Самые лучшие дома были сданы под пивные, кабаки. Посёлок ещё только строился, а рядом уже шумел кабак. Несколько позже в посёлке насчитывалось около двухсот частных лавчонок, девять трактиров, девятнадцать пивных.

Среди домов, построенных казаками, появились маленькие приземистые хибарки железнодорожников. Управление железной дороги разбило полосу отчуждения на мелкие участки для застройщиков-железнодорожников. 3 ноября 1896 года в омской газете «Степной край» был опубликован проект домоустроительства близ станции Омск: «Основанием при возведении построек на отведённых для этого участках земли должно быть обязательное условие, что эти постройки всегда будут принадлежать служащим железной дороги и отнюдь не могут перейти в посторонние руки».

Администрация выдавала застройщикам шпалы, кое-какой лес, гвозди и даже небольшие денежные ссуды на обзаведение усадьбой. Такая «милость» начальства имела свои расчёты. Квалифицированный рабочий, не имевший своего жилья, не был привязан к предприятию и мог в любой момент уволиться, уйти в другие места. И, наоборот, рабочий, построивший домик, поневоле держался за работу крепко, так как жить на казённой земле имел право только железнодорожник. На это-то и рассчитывала администрация, полагавшая, что такими ограничениями она полностью застраховала себя от всяких «неприятных» случайностей. Жизнь же вскоре доказала несостоятельность такой «страховки».

СУД «СПРАВЕДЛИВЫЙ И МИЛОСТИВЫЙ»

Весной 1895 года в Омске начали строить вокзал. Каждое утро, до восхода солнца, из земляных нор и дощатых лачуг, разбросанных вокруг, выходили землекопы, плотники, каменщики, спешившие к месту строительства.

Нанимал рабочих и распоряжался ими старший подрядчик Морозов, человек грубый и крутой. Явившись на строительную площадку до восхода солнца, он становился на возвышенное место и следил, как собирались люди. Как только из-за горизонта показывалась кромка солнца, Морозов считал, что время работы наступило. Всех опоздавших он записывал и уходил спать. К обеденному перерыву подрядчик появлялся снова и объявлял фамилии оштрафованных за опоздание.

Майское солнце каждое утро показывалось всё раньше и раньше, рабочий день увеличивался, отдых сокращался. На завтрак и на обед отводилось столько времени, что рабочие не успевали не только передохнуть, но даже поесть.

Расценки на все виды работ были низкие. Морозов немилосердно обсчитывал рабочих и душил их бесконечными штрафами и придирками.

16 мая 1895 года группа рабочих отказалась продолжать работу, настойчиво требуя повысить расценки, или перевести их на выгрузку барж, где плата была более высокой.

Морозов категорически отказал. Забастовавшие, намереваясь уйти на поиски другой работы, попросили свои паспорта, хранившиеся у того же Морозова. Отказали им и в этом.

Тогда рабочие решили вытребовать свои паспорта через суд.

Но как это сделать, к кому обратиться? Выход был один: нанять адвоката.

Взялся за это дело, очевидно, сочувствовавший рабочим, адвокат Милонов, написавший жалобу, в которой обвинял Морозова в самоуправстве и просил мирового судью вынести решение о выдаче паспортов землекопам.

26 мая мировой судья разбирал жалобу. Судья, конечно, не признал Морозова виновным в самоуправстве,

но в своём решении указал, что паспорта всё же следует вернуть жалобщикам. Тогда Морозов при помощи жандармского вахмистра Климова возбудил дело о стачке, но мировой судья оправдал рабочих. На помощь Морозову пришли высшие власти.

Товарищ прокурора Бурминский опротестовал решение мирового судьи и дело было передано в Акмолинский областной суд.

14 июля 1895 года, впервые в истории Омска, разбиралось дело «о стачке» рабочих (газета «Степной край» за 20 августа 1895 г.).

На скамье подсудимых сидели рабочие-землекопы. В первых рядах зала разместились главные свидетели — жандармский вахмистр Климов и Морозов. Поддерживать обвинение явился дворянин Аргунов — доверенный Морозова.

Бегло и небрежно были допрошены подсудимые, долго говорили свидетели. Обвинительную речь произнёс Аргунов. Кроме наказания «преступников» он требовал взыскания с них 700 рублей убытку и настаивал на том, чтобы по отношению к рабочим применить ст. 1358 свода законов, в которой говорилось: «За прекращение работ на фабрике или заводе по сговору между собой рабочих, с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к повышению заработной платы, изменению других условий найма, виновные караются...».

Совещание суда было коротким. Судьи поспешили удовлетворить желание местных властей, настаивавших на осуждении рабочих.

В приговоре было указано: «В действиях обвиняемых заключается существенный признак стачки — прекращение работ с целью возвысить получаемую заработную плату. Заявления обвиняемых о притеснениях — голословны... Что касается адвоката Милонова, то он в настоящем деле является несомненным виновником стачки рабочих и достаточно изобличается в этом преступлении...». В результате рабочие и адвокат Милонов были присуждены к тюремному заключению.

Таким образом, первая группа омских рабочих, осмелившаяся выступить в защиту своих прав, оказалась за тюремной решёткой.

БОРЬБА С ПРЕДАТЕЛЯМИ

Чем шире разворачивалось строительство омского железнодорожного узла, чем больше становилось рабочих в мастерских и депо, тем заметнее росла свора жандармов, полицейских, стражников, явных и тайных сыщиков.

«Блюстители порядка» держали под усиленным надзором рабочий посёлок, устраивали частые облавы, производили тщательные обыски в квартирах «неблагонадёжных».

Среди рабочих жандармерия выискивала неустойчивых, податливых людей, вербовала из них агентов. Доносчики состояли у администрации на особом счету, пользовались различными льготами, получали повышенное жалование и выгодные, высокооплачиваемые сдельные работы.

С такими людишками рабочие и повели упорную борьбу. Особой активностью отличалась молодёжь кузнечного цеха железнодорожных мастерских. Здесь вокруг молотобойца Сергея Молотовникова сгруппировались наиболее передовые, сознательные рабочие; они сообща читали книги, газеты, устраивали беседы и первыми в цехе начали бороться с предателями и провокаторами.

Однажды в кузнечном цехе у нового горна появился кузнец П. Милинский. С первых же дней он обратил на себя внимание пристрастием к картёжной игре. Он часто посещал железнодорожный клуб, в который обычно рабочим доступ был закрыт. Существовал такой порядок: рабочий имел право посещать клуб только по рекомендации членов правления, которое состояло из влиятельных лиц железнодорожной администрации. Милинский же был завсегдатаем клуба. В цехе ему давали выгодные сдельные работы и оплачивали выше, чем труд других кузнецов.

Поведение Милинского показалось рабочим подозрительным, и вскоре подозрения подтвердились.

Один из рабочих случайно услышал, как Милинский докладывал мастеру кузнечного цеха:

— Затевают смуту, господин мастер. Вредные люди имеются: целая группа у них, а главный поводырь — Серёга Молотовников...

Возмущённые рабочие решили проучить предателя и, воспользовавшись случаем, избили его. Несколько дней Милинский не выходил на работу, а затем явился в цех и заявил, что подал жалобу в суд.

Через две недели суд действительно состоялся, но выставленные Милинским «свидетели» показали, что они не видели, кто бил потерпевшего.

Судья вынес решение: «...за отсутствием подтверждения свидетельскими показаниями дело оставить без последствий».

После этого Милинский побоялся оставаться в кузнечном цехе.

Долгое время в сборочном цехе действовал доносчик Беляков, регулярно осведомлявший жандармерию о «вредных» разговорах; он и сам, всеми доступными способами, притеснял рабочих.

Группа слесарей задумала по-своему «предупредить» его.

Узнав, что Беляков собирается праздновать свой день рождения, слесари собрали денег, поехали в город к гробовщику, заказали гроб и поручили доставить его в назначенный день и час с письмом Белякову.

В этот день у Белякова собралось много гостей. И вдруг в самый разгар веселья послышался звонок. Незнакомый человек вручил прислуге письмо и попросил принять гроб.

Испугавшись, та опрометью вбежала в зал и, задыхаясь от волнения, проговорила:

— Там... гроб привезли, просят принять...

Гости всполошились. Беляков трясущимися руками разорвал конверт, вынул бумагу, развернул её и с ужасом прочитал:

«Господину Белякову. Поздравление и предупреждение. За твоё зверство, притеснения и шпионство преподносим именинный подарок».

На другой день все мастерские узнали историю с гробом.

Беляков уехал из Омска.

Деповские рабочие разоблачили доносчика слесаря Франка. Его облили мазутом, посадили на тачку, вывезли из депо и свалили в мусорную канаву.

Это были первые стихийные формы борьбы омских рабочих с предателями.

ПИОНЕРЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ОМСКЕ

Шли девяностые годы. Это были годы бурного развития капитализма в России. Возникали крупные заводы, фабрики и рабочие посёлки вокруг них, росли ряды рабочего класса.

Значительный рабочий посёлок вырос и в Омске — в районе Атаманского хутора.

К концу 1896 года главные железнодорожные мастерские имели уже готовые корпуса сборочного, вагонокузнечного, литейного и механического цехов. Зимой было начато их внутреннее оборудование. Кузнецы перешли из деревянного барака в новый кирпичный корпус. Здесь было установлено двадцать четыре горна и два паровых молота, для которых специально была построена кочегарка с котлом.

Продолжительность рабочего дня в мастерских официально считалась одиннадцать часов. Сверх этого рабочие систематически должны были отбывать «вечеровку», длившуюся не менее четырёх часов. Получалось четырнадцать—пятнадцать часов непрерывного труда в сутки. Если к этому прибавить один час обеденного перерыва, два часа на ходьбу из города в мастерские и обратно, да время, ушедшее на неотложные хозяйственные дела по дому, то у многих рабочих на сон оставалось, самое большее, четыре часа.

И так—изо дня в день. В кузнечном цехе во время работы можно было видеть, как, стоя у наковальни, опершись на ручку кувалды, засыпал молотобоец, как присев у горна, в ожидании нагрева железа, дремал кузнец.

Рабочие-ветераны, вспоминая проклятое прошлое, рассказали, как однажды вечером произошёл такой случай. Кузнец Зубков клепал болты в переносном штампе. Рядом на чурке стояла тускло светившая семилинейная керосиновая лампа. Уголь в горне горел плохо, Зубков замешкался с очередным болтом, желая получше его накалить. Молотобоец, прислонившись к наковальне, задремал. Зубков, увлечённый своим делом, не обращал на него вовсе внимания. А потом, выхватив из горна болт, вставил его в штамп и громко крикнул:

— Бей!

Лампа светила почти так же, как и нагретое железо. Изнурённый молотобоец не разобрался и ударил кувалдой вместо болта по... лампе.

В кузнечном цехе условия труда были особенно тяжёлыми. Вентиляции не было. Плохой по качеству уголь при сгорании выделял удушливые газы, которые вместе с густым дымом плавали по всему цеху, вызывая у рабочих кашель, головные боли, воспаление и нагноение глаз. Зимой, когда в цехе становилось совершенно нетерпимо, рабочие выбивали в рамах стёкла. Но это не облегчало положения — возникали сильные сквозняки, истощённые люди быстро простуживались, заболели.

Больничное пособие выплачивалось в размере пятидесяти процентов заработка и только за первые две недели болезни. По истечении этого срока заболевший рабочий лишался мизерного пособия и всяких средств к существованию.

Если болезнь затягивалась, рабочего увольняли, как «пришедшего в негодность».

У крыльца конторы главных мастерских каждый день с рассвета до сумерек стояли толпы людей, приходивших продать на любых условиях свою рабочую силу. Ими администрация легко заменяла уволенных.

В 1895 году В. И. Ленин организовал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Великий вождь пролетариата осуществлял соединение социализма с рабочим движением, вносил социалистическое сознание в стихийное движение, учил связывать экономическую борьбу с политической, призывал от пропаганды в кружках переходить к массовой агитации. Ленинский «Союз борьбы» возглавил рабочее движение и руководил стачками петербургских рабочих.

Деятельность «Союза борьбы» дала могучий толчок рабочему движению во всех частях России — от центра до Сибири.

Царское правительство свирепо преследовало социал-демократические кружки и группы, арестовывало, сажа-

ло в тюрьмы и отправляло в Сибирь руководителей и участников рабочего движения. Однако и в ссылке революционеры не складывали оружия, связывались с рабочими, поднимали их на борьбу с самодержавием и капитализмом.

Из года в год росло и крепло рабочее движение и в Омске, непрерывно пополнявшемся квалифицированными рабочими.

В начале февраля 1898 года в кузнечный цех омских железнодорожных мастерских поступил кузнецом Григорий Александрович Грозный. Он приехал из Перми, где состоял в «Союзе борьбы» и за принадлежность к рабочей подпольной организации был выслан в Сибирь.

В Омске Грозный не прекратил революционную работу. Он собрал вокруг себя группу рабочих, которая уже вскоре оформилась как социал-демократический кружок.

Старейший омский большевик, член партии с 1903 года, Сергей Петрович Молотовников* рассказывал:

Мне тогда было девятнадцать лет. Работал молотобойцем в кузнице мастерских. Жил у кузнеца Торопова. Квартира состояла из одной комнаты и кухоньки. К нам часто приходили кузнецы из нашего цеха, пили чай, о чём-то тихо разговаривали.

В один из воскресных дней я вернулся домой поздно вечером и, усевшись в кухне, принялся читать.

Скоро сюда заглянул Торопов, пристально поглядел на меня и спросил:

— Что же ты сидишь дома, никуда не идёшь?

Я ответил, что хочу почитать.

Торопов ушёл. Через несколько минут он приоткрыл дверь и позвал:

— Иди сюда.

Я вошёл. В комнате сидели Грозный, а вокруг — рабочие нашего цеха. Торопов, сев на своё место, спросил:

— Молчать умеешь?

— Умею, — ответил я.

И — снова тишина.

Так прошло несколько секунд, и я почувствовал, как вдруг громко застучало сердце.

* Умер в 1944 году.

— Если не болтлив, садись с нами, послушаешь, о чём говорим, — сказал, наконец, Грозный, и строгое лицо его осветилось улыбкой.

До этого, как мне потом рассказал Торопов, Грозный много раз справлялся обо мне, проверял, испытывал. И вот по рекомендации Торопова я вступил в социал-демократический кружок.

В тот памятный для меня вечер, Грозный рассказывал о забастовочном движении в центральной России. Григорий Александрович говорил:

— Теперь рабочие составляют не только экономические требования, но и политические...

Я жадно слушал— всё для меня было новым, интересным, захватывающим...

* * *

Из деревень в города и на железнодорожный транспорт тянулась крестьянская беднота. Администрация главных мастерских, видя усиливающийся массовый приток дешёвой рабочей силы, продолжала снижать расценки. Положение рабочих железнодорожных мастерских ухудшалось.

Среди железнодорожников нарастало недовольство. По предложению Григория Александровича Грозного рабочая группа приняла решение организовать забастовку.

На одном из очередных собраний был создан стачечный комитет. В него вошли кузнецы Грозный, Торопов, Бобров и молотобоец Молотовников. Стачечный комитет развернул активную работу. Штаб комитета поместился в цехе. Члены комитета использовали каждый удобный случай, чтобы ещё и ещё раз разъяснить рабочим причины их тяжёлой жизни. Организаторы забастовки изучали настроение рабочих, выявляли и сплачивали надёжные силы.

Работу среди молодёжи поручили С. П. Молотовникову. Через несколько дней создалось крепкое ядро передовых молодых рабочих. Так родилась в Омске первая молодёжная рабочая группа, решившая принять активное участие в подготовке и проведении забастовки.

Стачечный комитет собирался несколько раз. Последнее заседание проходило 23 марта 1898 года в доме около станции, сохранившемся и до настоящего времени. На этом заседании было решено начать забастовку в кузнечном цехе. Комитет постановил обратиться к рабочим других цехов с призывом поддержать выступление кузнецов. В то время в мастерских работало уже свыше 1500 человек, в кузнечном цехе — около 120.

С. П. Молотовникову было поручено в день забастовки оповестить молодых рабочих других цехов, чтобы они утром, после третьего гудка, отказались приступить к работе и собрались в кузнечном цехе.

Наступил день забастовки.

Рабочие кузнечного цеха пришли в мастерские раньше обычного. Около горна Горопова собрались организаторы и участники забастовки.

Прозвучал третий гудок.

Из сборного, токарного и механического цехов в кузнечный явился человек двадцать молодёжи.

Грозный выступил с речью, в которой коротко обрисовал положение рабочих:

— Администрация видит, в каких невыносимых условиях мы работаем. Нас обсчитывают, грабят. Мы живём впроголодь. Начальство не хочет принять мер к облегчению нашей жизни, начальство подобру этого никогда не сделает. Все правители против нас. Мы должны выступить сами. Не будем выходить на работу до тех пор, пока не удовлетворят наши требования!

Послышались возбуждённые крики:

— Правильно!

— Верно!

После речи Грозного все собравшиеся направились к выходу. Шли по цеху медленно, чтобы увлечь за собою тех, кто ещё колебался.

Толпа росла...

Обнаружились и «стачколомы». Машинист парового молота Илья Земляков, вместо того, чтобы присоединиться к забастовщикам, поднялся на площадку и начал усердно готовиться к работе.

Из толпы, двигавшейся по цеху, крикнули:

— Бросай!

— Не предавай!

Но Земляков продолжал работать.

Самый молодой стачечник, шестнадцатилетний рабочий Щужин, запустил в Землякова гайкой. Предатель спустился вниз и спрятался в углу.

Шествие продолжалось, ширилось. Больше сотни рабочих вышли из кузнечного цеха в трубное отделение. Здесь их встретили начальник мастерских Красногорский, цеховой мастер Канакин и жандармы. Оказалось, что пока шёл митинг, кузнец Бухалов сбегал в главную контору и доложил начальству о забастовке.

Забастовщики остановились. Грозный выступил вперёд и решительно объявил требования рабочих.

Красногорский ответил:

— Назначу комиссию для осмотра цеха. Но вы не дурите! Ступайте в цех. Работайте! Просьбу уважу.

Рабочие молчали.

Начальник нахмурился и посмотрел на жандармов. Те его поняли и, повернувшись, пошли обратно. Вслед ушёл и Красногорский.

Рабочие, посоветовавшись между собой, решили не приступать к работе и разойтись по домам.

Кузнечный цех стоял весь день. Лишь несколько «стачколотов» подметали пол, выгребали мусор.

Забастовщики ударили по самому чувствительному месту—значение кузнечного цеха для железнодорожных мастерских было особенно велико, потому что в это время заканчивалось оборудование ряда механических цехов и в кузнечных поделках нуждалось всё производство.

На другой день рабочие аккуратно к гудку пришли в цех. Но, узнав, что никаких изменений не произошло, к работе не приступили. Встревожило рабочих и продолжительное отсутствие Грозного. Вскоре стало известно, что он арестован.

Кузнец Торопов открыл митинг. Избранная делегация — Торопов, Бобров и Усольцев — немедленно отправилась к начальнику мастерских с требованием: освободить Грозного, удовлетворить требования, предъявленные в день забастовки. Митинг уполномочил делегатов заявить администрации, что, если этих требований не выполнят, забастовка будет продолжаться.

...Вернулись делегаты вместе с начальником мастерских. Выслушав организованный и решительный протест

против ареста Грозного, он объявил, что уже переговорил с жандармским управлением и Грозный через полтора часа будет освобождён.

— Только с Григорием Александровичем приступим к работе, — заявили рабочие.

Начальник, не ответив ни слова, ушёл. Рабочие, не поднимаясь с мест, бросили ему вслед:

— Верните Григория Александровича!

— Облегчения жизни требуем!

Прошло два часа. В цехе появился Грозный. Рабочие радостно окружили его, жадно слушая каждое слово своего руководителя.

Тепло приветствуя товарищей, он сказал:

— Жандармерия предложила мне в двадцать четыре часа покинуть город. Не протестуйте, товарищи. Мне всё равно жить в Омске не дадут.

Грозный попрощался со всеми рабочими, потом подошёл к Бухалову и, смотря на него в упор, спросил:

— За сколько сребренников проданся, иуда?

Кто-то выскочил из группы, сопровождавшей Грозного, и ударил Бухалова.

— Не стоит пачкать рук об эту гадину! Остерегайтесь провокатора, — ещё раз предупредил Грозный.

Торопов, Усольцев, Бобров и Молотовников решили проводить Грозного. Товарищи боялись, чтобы его снова не схватили жандармы.

На следующий день утром в цех пришла комиссия. В полдень подвезли уголь хорошего качества. В цехе начали устанавливать вытяжные трубы, вентиляцию, вставили стёкла, навели санитарный порядок.

Администрация пошла на уступки, но имён организаторов забастовки не забыла. Кузнецы Торопов и Бобров, как наиболее активные и опасные «бунтари», стали подвергаться преследованиям. Их часто тревожили агенты полиции, вызывали в жандармское управление, придирались, подвергали обыскам, подолгу задерживали в полиции. В результате Торопов и Бобров вынуждены были скрыться.

Так пятьдесят с лишним лет тому назад закончилась первая организованная забастовка железнодорожных рабочих, явившихся пионерами рабочего движения в Омске.

Первая забастовка охватила небольшой слой рабочих, не вышла за пределы экономических требований, не имела политических лозунгов. Но она показала, что в Сибири, как и во всей стране, растёт великая сила — революционный рабочий класс.

Омские рабочие увидели, что только организованным путём можно добиться удовлетворения своих настоящих требований. О забастовке горячо говорили в мастерских, депо, по линии, на всех предприятиях Омска.

Первая искра не погасла. Опыт этой первой организованной стачки не был забыт. Он вооружил рабочих верой в свои силы и силы своей организации, пригодился в дальнейших боях с самодержавием.

* * *

[Строительство Омского железнодорожного узла закончилось, в основном, к концу 1899 года.] К этому времени уже беспрерывно дымили высокие трубы мастерских и депо. Свистки паровозов, лязг металла, глухие удары двухтонного парового молота, грохот проходивших поездов — всё это сливалось в один, непривычный для Прииртышья, гул.

[С окончанием строительства были укомплектованы штаты рабочих и служащих железнодорожного узла.] В главных мастерских, в депо, на участках службы пути и движения было занято около четырёх тысяч человек.

[Из года в год росло количество революционно настроенных рабочих, как на железной дороге, так и на местных предприятиях.]

Начальник омского жандармского управления в 1900 году доносил генерал-губернатору о том, что им установлен надзор за опасными в политическом отношении рабочими-железнодорожниками и приложил длинный список «подозрительных лиц».

[Полиция производила обыски, ночные вызовы, массовые аресты «неблагонадёжных». Местная администрация была обеспокоена ростом революционного настроения среди железнодорожников. Степной генерал-губернатор 30 марта 1900 года просил начальника Сибирской

железной дороги «...обратить, по примеру прошлого года, и в настоящем году особое внимание на настроение рабочих Сибирской железной дороги и заблаговременно отстранять от работ тех рабочих, поведение которых внушает какие-либо сомнения в отношении их благонадежности». Уже вскоре управление железной дороги дало ответ, что неблагонадежные рабочие уволены «под предлогом сокращения штатов».]

«БИЛЕТНАЯ ЗАБАСТОВКА»

Усиливая нажим на рабочих, управление железной дороги в ноябре 1902 года издало приказ об отмене права рабочих и «низших» служащих на получение бесплатных проездных билетов.

Это распоряжение послужило поводом для массовых выступлений.

Недовольство тогда охватило всех сибирских железнодорожников.

Передовая часть рабочих решила придать протесту организованный характер, провести забастовку.

В Омске руководил подготовкой к забастовке передовой рабочий революционер (Якутов*) приехавший из Уфы.

Группа рабочих токарно-механического, вагонного, кузнечного цехов во главе с Якутовым и Молотовниковым, выработала требования к администрации: отменить распоряжение о воспрещении выдачи бесплатных проездных билетов, пересмотреть и повысить расценки на сдельные работы, улучшить санитарные условия в цехах, отменить штрафы.

Для предъявления администрации этих требований рабочие избрали делегацию — по 1—2 представителя от каждого цеха. Делегатами избрали не молодых, а более солидных по возрасту и стажу рабочих, бывших на хорошем счету у начальства. Эти делегаты были своего рода официальными представителями от рабочих — легальным стачечным комитетом. Параллельно был создан нелегальный стачечный комитет, в который вошли революционно настроенные рабочие. Этот комитет поставил

* Якутов в 1906 году был расстрелян царскими карателями.

перед собой задачу контролировать и направлять работу легального стачечного комитета.

Вспоминая то время, т. Молотовников рассказывал:

Мы знали, что какие бы ни были результаты забастовки, члены стачечного комитета будут подвергнуты преследованию. А так как революционных рабочих в цехах было мало и мы дорожили ими, создали стачечный комитет из «почётных» стариков, чтобы они и выступили перед администрацией.

Члены нелегального стачечного комитета, разойдясь по цехам, повели агитацию. Молодёжь стояла за немедленное объявление забастовки, тогда как «старики» настаивали на том, чтобы сначала послать к начальству делегатов, надеясь добиться уступок без забастовки. Молодёжь согласилась.

Вернувшись от начальника мастерских Красногорского, делегаты сообщили:

— Начальник против. Он заявил, что распоряжение об отмене выдачи бесплатных билетов сделало Главное управление Сибирской железной дороги. Отменить его может только оно...

Рабочие поняли, что после такого ответа ничего не оставалось делать, как только объявить забастовку.

В тот же день в квартире кузнеца Никулина собрался нелегальный стачечный комитет. Обсудили порядок подготовки и проведения забастовки, составили воззвание к рабочим, которое размножили на гектографе.

На утро около двухсот воззваний было расклеено в цехах мастерских, в депо, на вокзале. Воззвание призывало рабочих и служащих после гудка начать забастовку.

Когда прозвучал гудок, в вагонный цех из других цехов пришло человек тридцать. Все вместе двинулись в кузнечный цех, рабочие которого тотчас же примкнули к пришедшим. Присоединились и литейщики, и вскоре огромная толпа подошла к токарно-механическому цеху. Входная дверь оказалась закрытой изнутри. Несколько человек проникли в цех через окно и, отстранив мастера, открыли дверь. Толпа хлынула внутрь. Оттуда шествие направилось в самый крупный, сборочный цех, рабочие которого уже ожидали своих товарищей.

В цех явилась администрация во главе с начальником мастерских.

Делегация предъявила ему требования и предупредила, что если они не будут удовлетворены, рабочие к работе не приступят. Но начальник категорически отказался выполнить эти требования.

В тот же момент в задних рядах рабочих, стоявших у ворот цеха, послышалось мощное «ура». Это бастовавшие приветствовали рабочих депо, пришедших на помощь своим товарищам.

Представители депо заявили, что они поддерживают все требования рабочих мастерских и, если эти требования не будут удовлетворены, также присоединятся к забастовке. Это явилось решающим моментом в ходе забастовки, обстоятельства изменились в пользу рабочих: если депо и поездные бригады прекратят работу хотя на один день, движение поездов немедленно прекратится.

Начальник мастерских заговорил мягче.

— Ну, ладно. Приступайте к работе. Я и ваши делегаты начнём переговоры с управлением.

Рабочие потребовали немедленно сообщить по телеграфу их требования с тем, что пока управление дороги не даст положительного ответа, к работе они не приступят. Из толпы послышались выкрики:

— Расходись по домам!

— Завтра утром не приступать к работе!

— Собраться всем здесь же!

Мастерские и депо замерли.

К обеду следующего дня был получен ответ: «На основании распоряжения министра путей сообщения, Управление Сибирской железной дороги восстанавливает право рабочих на получение бесплатных проездных билетов. Что же касается остальных требований рабочих, то предоставляется право администрации уладить таковые на месте.

Из «остальных» требований администрация «уладила» лишь самые незначительные: произвела уборку и побелку в цехах. Расценки же остались без изменения, администрация продолжала свирепо штрафовать рабочих, многие из организаторов и активных участников «билетной» стачки были уволены.

Несмотря на это, стачка снова и снова показала силу коллективных выступлений.

РОЖДЕНИЕ ОМСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП

Охвативший Россию в начале девятисотых годов промышленный кризис и безработица не ослабили рабочего движения в стране. «От экономических стачек рабочие стали переходить к политическим стачкам. Наконец, рабочие переходят к демонстрациям, выставляют политические требования о демократических свободах, выставляют лозунг: «Долой царское самодержавие» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 27).

«Обуховская обсерона» 1901 года, батумская демонстрация 1902 года, организованная товарищем Сталиным, ростовская стачка, закавказские и украинские массовые политические стачки 1902—1903 годов — вот знаменательные вехи развёртывавшегося в России рабочего движения, показавшего растущую политическую силу русского рабочего класса, руководимого большевиками.

Пробуждались к активной политической борьбе и рабочие Сибири.

В Омске в 1902 году подпольная революционная работа значительно расширилась и углубилась. К этому времени в городе увеличилось количество революционно настроенной интеллигенции. Из Томска, за участие в рабочем движении, сюда были высланы несколько революционеров-профессионалов, прибыли исключённые «за беспорядки» студенты, приехала, наконец, группа соромовских рабочих, преследуемых за активное участие в политической демонстрации 1902 года.

Обстановка для революционной работы, таким образом, была к этому времени в Омске более благоприятной, несмотря на усиленный полицейско-жандармский надзор. На железнодорожной станции, в главных мастерских и в депо работало до четырёх тысяч рабочих, много людей было занято и на городских предприятиях.

Передовая часть омского пролетариата вместе с революционно настроенной интеллигенцией представляли собой уже значительную силу.

Одним из наиболее ярких событий в рабочем движении до Октября было празднование 1 Мая.

Участник революционного движения, старый омский рабочий Т. Клементьев так рассказывает о массовке 1902 года:

«Вспоминается ранний утренний час 1 мая 1902 года. Я жил тогда в Атаманском хуторе. Ещё не прогудел гудок главных железнодорожных мастерских, как за мной зашёл товарищ по техническому училищу Александр Сидоров и сказал, что в лесу будет рабочая маёвка. Карпов, наш товарищ, сообщил пароль для прохода на маёвку и посоветовал взять с собой кошёлку с продуктами: как будто идём на пикник.

Достали кошёлку, купили хлеба, колбасы, пару бутылок пива и пошли по полотну железной дороги. Дошли до дачи начальника участка, свернули налево, углубились в лес. Рабочий железнодорожных мастерских подошёл к нам, спросил пароль. Сидоров ответил, и мы двинулись дальше, туда, где нынче — Новая загородная роща. Среди кустарников мы увидели сидящего в кругу рабочих-железнодорожников плечистого, рослого Сашу Карпова. Он вёл беседу. Увидев нас, он поднялся и провёл меня и Сидорова в круг рабочих.

Карпов продолжал прерванную беседу. Он говорил о необходимости свержения царского самодержавия, о том, что рабочие должны сплотиться в борьбе с эксплуататорами, о Ленине. В это время рабочий патруль предупредил, что идут жандармы.

Тотчас же беседа прекратилась и начался весёлый пикник. Опорожнили корзины: появилось вино, пиво, закуска. Гармонист затянул «Разлуку», затренькала балалайка, затянули песню «Бродяга», а некоторые вполголоса запели: «По пыльной дороге телега несётся...».

Подъехавший жандарм, выпучив глаза, прокричал: — Разойдись!

Но мы продолжали петь. Жандарм исчез, и вместо него появилось трое всадников. С гиканьем и плетьюм врезались они в круг рабочих...

Так мы «отпраздновали» 1 Мая 1902 года. Это было почти столетия тому назад. Тогда мы шёпотом передавали друг другу:

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А теперь, как бы венчая наши завоевания, эти крылатые слова сияют на нашем государственном флаге».

1902 год был годом, положившим начало объединению в Омске отдельных разрозненных подпольных марксистских кружков.

Железнодорожный кружок, которым руководил рабочий Якутов, установил связь с городским кружком, налажена была также связь с Томском. После отъезда Якутова из Омска его работу продолжали рабочий А. Зыкин, приехавший в Омск из Мотовилихи, и другие. Происходило объединение отдельных кружков.

Об одном из организационных собраний, состоявшемся в январе 1903 года в квартире кузнеца-сормовца Михаила Кабанова, рассказывает участник этого собрания С. П. Молотовников:

Кабанов жил в доме станционного жандарма Первалова, занимая нижний этаж. Может показаться странным созыв нелегального собрания в доме жандарма. Но у нас на этот счёт были свои соображения. Созвать собрание в моей квартире или у Никулина было гораздо опаснее. Мы были на подозрении, за нашими квартирами могла быть слежка, тогда как никому в голову не могло придти, что в доме блюстителя порядка может состояться собрание, строго преследуемое царизмом.

На собрание пришли рабочие токарного и кузнечного цехов. Токарь А. Зыкин провёл беседу о подпольной работе в Омске.

— Организация должна быть строго конспиративной, — говорил Зыкин. — О существовании организации не должны знать даже члены семьи. В случае ареста кого-либо из нас при допросе, при пытках ни в коем случае не выдавать остальных. Связь с вновь созданными кружками должна осуществляться только через организаторов этих кружков. Каждый из нас должен заботиться о самообразовании, о политическом развитии. Мы обязаны учиться сами и учить других рабочих, подготавливая и вовлекая их в нашу организацию.

Потом Зыкин подробно рассказал о деятельности Владимира Ильича Ленина, о том, как он борется за дело рабочего класса, как преследует его царское правительство.

На организационном собрании много внимания было уделено вопросам конспирации, так как жандармы пользовались всеми способами, чтобы вылавливать революционеров, засылали в среду рабочих провокаторов. На завод, бывало, поступал новый «рабочий». Он проявлял себя как активный противник царизма, добивался

доверия рабочих, проникал в кружок, а затем предавал его охранному отделению. Такая судьба постигла несколько кружков. Поэтому у нас были установлены жёсткие правила. При встречах организаторы кружков не называли товарищей по фамилии. На объединённых делегатских собраниях было строго запрещено называть руководителей и вообще употреблять фамилии, разрешалось называть друг друга только по имени или кличке».

Каждый кружок состоял из 8—10 человек. Иногда в организацию попадал малодушный человек, который, оказавшись в руках властей, не выдерживал пыток или угроз и выдавал своих товарищей. Но в этом случае проваливался только один кружок. Вот почему даже в одном цехе было два-три и даже более кружков, члены которых не знали о других.

Проводить выборы комитетов было опасно. Каждым кружком руководил организатор. Для решения общих вопросов организаторы собирались в явочной квартире, которая очень часто менялась. Такое объединённое собрание в первое время выполняло функции комитета.

По примеру рабочих кузнечного цеха были созданы кружки и в других цехах — вагонном, литейном, сборочном, котельном и токарно-механическом.

Регулярно проводили собрания, читали и обсуждали брошюры в кружках железнодорожных мастерских и депо. Большой популярностью среди кружковцев пользовался переписанный от руки «Манифест Коммунистической Партии», его изучали коллективно, передавали из рук в руки.

К весне 1903 года омские железнодорожные и городские кружки объединились, таким образом был создан Омский Комитет РСДРП, в котором вскоре обнаружились острые противоречия между революционерами-ленинцами и оппортунистами — будущими меньшевиками. Основной базой работы комитета явились кружки железнодорожных рабочих. Передовой отряд омского пролетариата — железнодорожники в большинстве своём шли за большевистским крылом социал-демократической организации.

Члены кружков вносили взносы на покупку литературы и другие расходы, связанные с организацией. Собрания, обычно, проводились в праздничные дни. На этих

собраниях (массовках), кроме чтения ленинской «Искры» и запрещённых царской цензурой политических изданий, обсуждались местные злободневные вопросы: как добиться от управления железной дороги сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и вообще улучшения положения рабочего. Горячо говорили о свержении самодержавия.

Омская организация РСДРП провела большую массовую работу по подготовке к празднованию 1 Мая. В ночь на 1 Мая по городу и на станции были распространены прокламации Сибирского Союза РСДРП, отпечатанные в типографии на разноцветной бумаге. Местный кружок учащейся молодёжи выпустил прокламацию, подписанную «Омский мастеровой». В ней содержался призыв сбросить с себя «лик жалких рабов и огласить воздух мощными криками: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!». «Омский мастеровой» указывал на значение праздника 1 Мая для рабочих и предлагал рабочим забастовкой добиться освобождения политзаключённых из тюрьмы (Омский облгосархив. ф. 190, д. 92, лл. 32—33).

Омский комитет выпустил следующую прокламацию, которая хранится в настоящее время в библиотеке Омского облгосархива.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Товарищи! Сегодня в Западной Европе — 1 Мая... Сегодня наши заграничные товарищи-рабочие празднуют свой праздник... Стройными, сомкнутыми рядами, с развёрнутыми красными знамёнами, с музыкой и пением революционных гимнов проходят они по улицам городов... и мощный гул их процессии ужасом и бессильной злобой наполняет душу кровопийц-фабрикантов, и к смелым словам рабочих песен с затаённой надеждой жадно прислушиваются все угнетённые и обездоленные, жадно читают они надписи на красных знамёнах, сулящие им освобождение от их суровой доли...

К этому могучему движению примкнули и русские рабочие, познавшие всю неправду теперешних общественных отношений... И они смело подняли знамя беспо-

щадной борьбы за рабочее дело, и они 1 Мая бросают мастерские, устраивают демонстрации, на которых развеваются красные знамёна... В стране произвола и самодурства, наглых проходимцев, сплотившихся вокруг царского трона, нет места свободным проявлениям народных желаний и требований. Здесь никто не смеет рассуждать, а тем более требовать... Здесь каждый должен только повиниться, молча глотать свои обиды. Здесь всё к услугам богатых и ничего, решительно ничего — для бедняков... Относительно рабочих в России существуют законы, строго карающие за стачки...

На каждое справедливое требование рабочих у нас отвечают казацкими плетьюми, поркою при полиции и нередко солдатскими пулями... Когда рабочие, доведённые до последней крайности гнётом капиталистов-заводчиков, урезыванием всеми неправдами их и без того скудного заработка, скопом бросают работу, министры и губернаторы, с ведома царя, разумеется, направляют на них казаков, безжалостно их расстреливают...

Товарищи! Вы видите кто наш первый и злейший враг: этот враг — самодержавный царь, окружённый гнусной шайкой полицейских и шпионов, да нерассуждающими грубыми солдатами... А если так, то —

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует республика!

Эти великие слова мы напишем на своём рабочем знамени, и знамя это будем развёртывать при всяком удобном случае и в особенности в день ПЕРВОГО МАЯ, в день международного рабочего праздника, когда рабочие всех стран, без различия национальности и вероисповедания, заявляют о своей братской солидарности, о том, что их положение всюду одно и то же...

Итак, — долой самодержавного царя!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует Первое Мая!

Группа революционной социал-демократии...

Омск, 18 апреля (1 мая) 1903 г.

Омский полицмейстер Шмонин сообщил военному губернатору Акмолинской области, что накануне 1 мая

полицией на разных улицах Омска найдены противоправительственные прокламации.

В ту же ночь прокламации были распространены и на железнодорожной станции, 1 мая состоялась маёвка, на территории железнодорожных мастерских проведено собрание, посвящённое пролетарскому празднику.

Жандармерия и полиция пустили в ход все средства, чтобы напасть на след подпольного комитета. На помощь им пришёл предатель — ученик железнодорожного технического училища Пётр Попов. В феврале—марте 1903 года он вступил в омскую организацию РСДРП и уже в начале мая стал агентом охраны.

Попов по заданиям партийной организации сопровождал пропагандистов на занятия в кружки при главных мастерских и специально проводил их через вокзальный зал ожиданий 1-го класса, где среди публики находились переселенные жандармы-наблюдатели.

Предатель передавал жандармам нелегальные издания политических листовок, брошюр, выпускаемых комитетом, и жандармский полковник Марков был неплохо осведомлён о том, что делалось внутри омской организации РСДРП.

Когда жандармы решили, что материала у них вполне достаточно, они в ночь с 20 на 21 июля 1903 года (по старому стилю) произвели обыски и аресты на станции и в городе. Было арестовано 22 человека, а вместе с ними и Попов. У некоторых членов организации при обыске обнаружили нелегальную политическую литературу, пишущую машинку. Об этих массовых арестах в Омске писалось в ленинской «Искре».

На свободе остались те, кого не знал предатель. Случайно уцелел А. Залогин, член организации, известный Попову.

Большая группа омских революционеров оказалась в тюрьме, но революционная работа в городе и на станции не прекратилась.

24 июля 1903 года жандармский ротмистр Белицкий доносил прокурору Омской судебной палаты, что в сборном цехе железнодорожных мастерских найдено «шесть преступных печатных брошюр, изданных Сибирским социал-демократическим союзом». Ротмистр докладывал, что он начал дознания по поводу воззваний,

призывающих «рабочих к революционному свержению самодержавия в России и замене его демократической республикой».

Чтобы изловить остальных революционеров, жандармы пустились на хитрость. Из тюрьмы был освобождён Попов, тут же поспешивший поделиться с Залогиним «тюремными новостями». Для этой цели он назначил свидание в сквере Казачьего собора.

В условленный день и час Залогин, ничего не подозревая, пришёл в сквер. Во время беседы подошли жандармы и забрали обоих. Предатель снова сделал своё гнусное дело.

При обыске у Залогина нашли составленную им новую прокламацию для размножения на гектографе.

«...Товарищи, — говорилось в прокламации, — не смущайтесь и не падайте духом, что синие мундиры* частенько будут делать набеги на ваши жилища... Разрастающееся вширь и вглубь рабочее движение не оставят никакие ухищрения царского правительства, а революционную энергию рабочих масс не потушить ему никакими тюрьмами и ссылками, потому что за нами, рабочими, стоит сама грозная и неумолимая жизнь, которая давно изрекла смертельный приговор гнилому и затхлому самодержавию. Итак, будем же плотнее и крепче организовываться около красного знамени российской социал-демократической рабочей партии, на котором огненными буквами, прежде всего, написано: долой царское самодержавие!»

В конце прокламации стояла подпись: «Омский комитет РСДРП. 30 июня 1903 г.».

* * *

Царским слугам удалось нанести серьёзный удар Омской организации РСДРП. Жандармы ликовали: из рядов омских рабочих была вырвана самая активная часть; многие члены комитета были высланы в различные места Сибири.

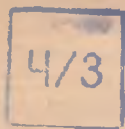
Однако, охранка просчиталась. В Омске остались кадры рабочих, воспитанные на ленинской «Искре», закалённые в боях с классовыми врагами, и уже вскоре организация была восстановлена.

* Жандармы.

В ночь на 1 мая 1904 года омские революционеры распространили по городу и в Атаманском хуторе первомайские прокламации. За городом и в районе Чортовой Ямы была проведена маёвка. Среди участников маёвки был юный Валериан Куйбышев, начавший в Омске свой замечательный путь непоколебимого революционера-большевика.

Взвился красный флаг, зазвучали горячие большевистские речи. В Омске снова возродилась революционная организация, которую в годы первой революции возглавил выдающийся организатор и талантливый пропагандист — большевик В. В. Куйбышев, решительно разоблачавший оппортунизм меньшевиков.

Так, почти полвека тому назад, на заре рабочего движения в России, омские рабочие, руководимые большевиками, стали на путь революционной борьбы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Атаманский хутор	5
Суд «справедливый и милостивый»	7
Борьба с предателями	9
Пионеры рабочего движения в Омске	11
«Билетная забастовка»	19
Рождение Омской организации РСДРП	22

Редактор *В. М. Почивалин.*

Технический редактор *Н. В. Бисеров.*

Корректор *Э. С. Курнева.*

Подписано к печати 10/II 1951 г. ПД19115

Инд. П-2. Тираж 6 000 экз. 1,44 уч.-изд. л.

Бумага 84×108¹/₂ б. л. — 1,64 п. л.

Цена 35 к.

Адрес издательства: Омск, ул. Театральная, 4.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

с/ш - 258

Омское отд. ВГО «Союзучетиздат»
а7. 157. XII-78 г. Т. 750000
Тип. «Омская правда». Зак. 12770

35 к.

24к